

Джек Лондон

Самуэль

Джек Лондон

Самуэль

«Public Domain»

1909

Лондон Д.

Самуэль / Д. Лондон — «Public Domain», 1909

«Маргарэт Хэнэн была особой весьма замечательной во всех отношениях, но она в особенности поразила меня, когда я увидал ее в первый раз. Она взвалила себе на плечи стофунтовый мешок зерна и несла его как ни в чем не бывало от телеги к сараю, остановившись лишь на одно мгновение передохнуть, прежде чем подниматься по лестнице, ведущей к закромам. Всех ступенек было четыре, и она поднималась по ним так спокойно и уверенно, что не оставалось никаких сомнений в том, что она донесет мешок, хотя ее худое и тощее тело все изогнулось под его тяжестью. Видно было, что она очень стара. Потому-то я и задержался у телеги, наблюдая за нею...»

© Лондон Д., 1909

© Public Domain, 1909

Джек Лондон Самуэль

* * *

Маргарет Хэнэн была особой весьма замечательной во всех отношениях, но она в особенности поразила меня, когда я увидел ее в первый раз. Она взвалила себе на плечи стофунтовый мешок зерна и несла его как ни в чем не бывало от телеги к сараю, остановившись лишь на одно мгновение передохнуть, прежде чем подниматься по лестнице, ведущей к закромам. Всех ступенек было четыре, и она поднималась по ним так спокойно и уверенно, что не оставалось никаких сомнений в том, что она донесет мешок, хотя ее худое и тощее тело все изогнулось под его тяжестью. Видно было, что она очень стара. Потому-то я и задержался у телеги, наблюдая за нею.

Шесть раз прошла она расстояние между телегой и сараем, каждый раз с полным мешком на плечах; и хотя я стоял на виду, она не обращала на меня никакого внимания. Когда телега опустела, она полезла за спичками и закурила коротенькую глиняную трубочку, прижимая табак заскорузлым и, по-видимому, онемелым пальцем. У нее были замечательные руки, — широкие, костлявые, обезображенные работой мозолистые руки с тупыми, поломанными ногтями, покрытые заживающими и свежими царапинами; такие руки обычно бывают у людей, занятых тяжелым физическим трудом. О ее возрасте можно было судить по сильно выступавшим на руках синим венам. Не верилось, что эти руки принадлежали женщине, которая некогда считалась первой красавицей острова Мак-Джилля. Впрочем, об этом я узнал лишь много времени спустя. Тогда я не знал ни ее самой, ни ее биографии.

Большие, грубые мужские сапоги, надетые на босу ногу, при ходьбе болтались и били ее по тощим икрам. На ней была мужская рубаша и рваная юбка из некогда красной фланели. Фигура у нее была бесформенна, но особенно поразило меня ее морщинистое изнуренное лицо, обрамленное шапкой косматых волос. Ни эти косматые волосы, ни темные морщины не могли скрыть ее прекрасного высокого лба.

Впалые щеки и горбатый нос мало соответствовали ее блестящим голубым глазам. Несмотря на множество окружавших морщин, глаза эти были ясны, как у молодой девушки, а их острый пронизывающий взгляд мог хоть кого привести в замешательство. Глаза у Маргарет были при этом очень своеобразно поставлены. Обычно расстояние между глазами бывает не больше длины глаза, а у нее это расстояние было чуть ли не в полтора раза больше. Но особенность эта, вследствие поразительной симметричности лица отнюдь не производила неприятного впечатления. Случайный наблюдатель мог вполне не заметить этого. Ее беззубый рот, с опущенными углами сухих и тонких губ, не отвисал, как это часто бывает у старух. Ее губы можно было бы принять за губы мумии, если бы не присущее им выражение страшного упорства. Они не были безжизненными, напротив, в них было какое-то напряжение, выражавшее одухотворенную решимость. В этих глазах и губах таился ключ той уверенности, с которой она втаскивала тяжелые мешки по крутым ступенькам, не оступаясь и не теряя равновесия.

— Вы старая женщина и так работаете, — решился я сказать.

Она взглянула на меня пристальным, странным взглядом, думая и говоря с характерной для нее медлительностью, словно она была уверена в своей вечности и вовсе не считала нужным торопиться. Снова меня поразила ее безмерная уверенность в себе. Ее твердая походка была, казалось, тоже результатом этой самоуверенности. В своей духовной жизни она, по-видимому, так же мало рисковала оступиться, как когда таскала стофунтовые мешки с зерном. Она производила на меня жутковатое впечатление.

Как ни мало я знал ее, я уже чувствовал, что у меня не может с ней быть ничего общего. Чем ближе я узнавал ее в течение последующих недель, тем сильнее чувствовал свою отчужденность от нее. Она представлялась мне гостьей с другой планеты, и ни я, ни кто-либо из моих земляков не могли проникнуть в мир ее душевных переживаний, не могли понять, каким образом она стала такою.

– Через две недели после великой пятницы мне исполнится семьдесят два года, – сказала она в ответ на мое замечание.

– Я и говорю, что вы слишком стары для такой работы, – повторил я. – Ведь это работа мужчины, да еще здорового мужчины.

Но она уже погрузилась в созерцание вечности, и это было так странно, что я не удивился бы, если бы мне сказали, что прошло сто лет или еще больше, прежде чем я услышал ее ответ:

– Ведь надо же делать эту работу. А помочь мне некому.

– Неужели у вас нет детей или родных?

– О, их у меня хоть пруд пруди, да разве они станут мне помогать!

Она на секунду вынула изо рта трубку и сказала, кивнув на дом:

– Я живу сама по себе.

Я поглядел на крепкий дом, крытый соломой, на большие амбары и на обширные поля, принадлежавшие этой же ферме.

– Разве можно одной обрабатывать такой большой участок?

– Да, участок большой – семьдесят акров. Мой старик много повозился с ним. Ему помогал сын, да наемный работник, да поденщики во время уборки, да девка, исполнявшая домашнюю работу.

Взобравшись на телегу, она взяла вожжи и спросила, кинув на меня пронизательный взгляд:

– Вы, наверное, с той стороны океана?

– Да, я американец, – ответил я.

– Вы, небось, в Америке ни разу не встречали ни одного жителя Мак-Джилля?

– Никогда не встречал.

Она кивнула головой.

– Они домоседы, хотя нельзя сказать, чтобы они были не способны путешествовать. Всех их, однако, тянет домой, и они всегда возвращаются восвояси, – конечно, если не погибают где-нибудь на чужбине от лихорадки.

– Значит, ваши сыновья были моряками и вернулись домой?

– Да, все кроме Самуэля, – Самуэль утонул.

Я готов поклясться, что при упоминании Самуэля глаза у нее блеснули, и я почувствовал остров чувство соболезнавания. Мне почудилось, что тут лежит ключ ко всем ее тайнам и объяснение всех ее странностей. Мне показалось, что между нами пробежал некий ток, и я заглянул ей в душу. Я хотел уже расспросить ее, но она вдруг причмокнула губами, хлестнула лошадь и, крикнув мне: «Добрый день!» – уехала.

Жители Мак-Джилля – простой и славный народ, и я думаю, что во всем мире нет более трезвых и трудолюбивых людей. Если встретить их за границей (только на море, ибо они – смесь моряков и фермеров), то их нельзя принять за ирландцев. Сами они считают себя за ирландцев, с гордостью говорят об Ирландии и подшучивают над своими братьями-шотландцами. Тем не менее, они, несомненно, шотландцы – правда, переселившиеся много лет назад, но все же шотландцы, со всеми их характерными чертами, не говоря уже об особенностях их мягкого произношения, которое лучше всего доказывает их шотландское происхождение.

Узкая полоса воды в полмили шириною отделяет остров Мак-Джилль от Ирландии. Но стоит только переехать оттуда на Мак-Джилль, чтобы очутиться в совершенно другой стране. Шотландское влияние чувствуется очень сильно: все жители острова Мак-Джилля пресвите-

риане и настолько трезвы, что на всем острове нет ни одного кабака, хотя живет там семь тысяч человек. Живут они по старинке: общественное мнение для них – высший закон; духовенство пользуется неоспоримым влиянием; родителям повинуются и уважают их так, как нигде. Всякое ухаживание прекращается в десять часов вечера, и без согласия родителей ни одна девушка не решится даже пойти гулять со своим возлюбленным.

Молодые люди часто отправляются в море, разгульная портовая жизнь засоряет их души, и однако, возвращаясь после своих путешествий, они снова ведут строгую, воздержанную жизнь, ухаживают до десяти часов вечера, каждое воскресенье бывают в церкви и слушают проповедника, а дома выслушивают знакомые с детства строгие наставления. Эти моряки-ски-тальцы знавали за морем немало женщин, однако никто из них никогда не привозил себе жен из-за границы. Единственным исключением был школьный учитель, осрамившийся тем, что взял себе жену за полмили, по ту сторону «воды». Ему этого так и не простили до самой смерти. Когда он умер, жена его вернулась к своим родным, жившим на том берегу, – и пятно на гербе острова Мак-Джилля, таким образом, было смыто. Обычно кончалось тем, что моряки женились на девушках своего родного острова, начинали вести строгую и честную жизнь и становились образцами тех добродетелей, которыми славился остров.

Остров Мак-Джилль не имел истории. Он не мог похвастаться ни одним происшествием, которое было бы достойно попасть на страницы истории. На острове никогда не было ни революционных выступлений, ни заговоров, ни аграрных беспорядков. Там был только один случай лишения владения, и то чисто формальный – просто опыт, произведенный владельцем по совету адвоката.

У острова Мак-Джилля не было летописи. История шла мимо него. Он исправно платил подати, признавал своих коронованных повелителей и держался в стороне от всего мира; взамен он требовал только одного: чтобы и мир оставил его в покое. Вселенная делилась на две части – на остров Мак-Джилль и на весь остальной мир. Все, что не было островом Мак-Джиллем, было чуждым и даже варварским; все жители это знали, да и не могли не знать. Их соотечественники-мореходы достаточно хорошо изучили другие безбожные страны.

В первый раз в жизни я услышал об острове Мак-Джилле от шкипера пароходика из Глазго, на котором я ехал в качестве пассажира из Коломбо в Рангун; этот же шкипер снабдил меня письмом к некоей миссис Росс, вдове капитана, жившей с дочерью и двумя сыновьями – тоже капитанами, бывшими в то время на море. Миссис Росе не сдавала комнат, но благодаря письму шкипера мне удалось у нее поселиться. Однажды вечером, после встречи моем с Маргарэт Хэнэн, я заговорил о ней с миссис Росс и сразу понял, что я напал на нечто действительно весьма таинственное.

Миссис Росс, подобно всем остальным жителям острова, сначала не хотела говорить со мною о Маргарэт Хэнэн. Однако она все же сообщила мне, что Маргарэт Хэнэн была некогда первой красавицей на острове. Будучи дочерью весьма зажиточного фермера, она вышла замуж за некоего Томаса Хэнэн, человека вполне обеспеченного и независимого. Ей совсем не приходилось исполнять тяжелую работу. Кроме домашнего хозяйства, она ничем не занималась и, не в пример своим соотечественницам, никогда не работала в поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.